

Г.С. Зобин

«...СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЮ». ПОЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1831 г. ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ С НАПОЛЕОНОМ

Польская кампания 1831 г. стала последней войной Дениса Давыдова. После ее завершения, в сентябре он вернулся в Москву, где проживал тогда вместе со своим семейством в доме на Смоленском бульваре (на месте нынешнего дома № 3). 28 октября того же года в Москву приехал его старый друг, восславивший «пламенного бойца» в «Певце во стане русских воинов», В.А. Жуковский. Через три дня друзья встретились в доме П.А. Вяземского в Чернышевском переулке (ныне Вознесенский пер., 9). Все свои визиты Жуковский всегда скрупулезно записывал в дневник.

31 октября 1831 г. в нем появилась такая запись: «У Вяземского: Голицын, Тургенев, Давыдов»¹. Итак, кроме Дениса Давыдова Жуковский встретил в этот день в гостях у Вяземского московского генерал-губернатора Д.В. Голицына и своего старого друга, с которым они вместе сидели на одной скамье еще в Благородном пансионе, Александра Тургенева. Исключая его, все собравшиеся были участниками войны 1812 г. Кроме того, Тургенев, Жуковский, Вяземский и Давыдов в 1815–1818 гг. входили в Арзамасское братство, где вместе потешались над тяжелым и надутым славянским лексиконом «беседчиков». Но теперь отношение к польским событиям разделило вчерашних единомышленников. В тот же день, 31 октября, Александр Тургенев с негодованием писал в своем дневнике: «После обеда и за обедом у князя Вяземского с Жуковским и князем Д.В. Голицыным и с Денисом Давыдовым, который хвастался своим зверством и, вероятно, шарлатанил им, как подвигами наездника. И Жуковский слушал его с вниманием и каким-то одобрительным чувством! Один Вяземский чувствовал и говорил как европеец. – Я только

чувствовал и молчал! Перед кем и для кого я дал бы волю своему негодованию? – Давыдов говорил, жестикулировал – о виселицах!»². На этом фрагменте стоит остановиться. Нет сомнений в том, что Денис Давыдов, человек горячий, пылкий и увлекающийся рассказчик, с жаром говорил о событиях, в которых ему совсем недавно довелось участвовать. Но трудно поверить, что он, легендарный наездник-партизан, боевой генерал, бравировал и бахвалился казнями. Да и русской поэзии, которой он принадлежал не меньше, чем военной истории, пафос палачества был противен во все времена.

Давыдов рассказывал тогда в застольной беседе о том страшном, что, увы, всегда имеет место на войне. Рассказывал, ничего не скрывая и не преукрашивая.

Всем известно, что и Державину приходилось отправлять на виселицу пугачевцев, о чем он упоминает в своих знаменитых «Записках».

Не умалчивал об этой оборотной стороне батальной славы и Денис Давыдов. Так, в «Дневнике партизанских действий 1812 года» он писал о том, как приказал расстрелять нескольких изменников, мародеров и убийц. Во время польской кампании Давыдов также отдал приказ о расстреле одного из вожаков восстания, а затем велел повесить его уже мертвого для устрашения других повстанцев (что, кстати, возымело действие). Жестоко? Страшно? Да. Но жестокость в этой войне была обоюдной, а с противной стороны – еще более чудовищной, о чем свидетельствуют эпизоды, приведенные Денисом Давыдовым в «Воспоминаниях о польской войне 1831 года». «К нам стало возвращаться много офицеров, бывших в плену, которые были свидетелями ужасных неистовств жителей Варшавы. Так, например, некто ксендз Пулавский ходил в полном облачении и с крестом в руках, умоляя со слезами народ истребить всех русских пленных и евреев. Несколько десятков евреев было повешено на фонарных столбах. Генерал Янковский за неудачу свою под Лисабысом (или Будзиском), генерал Буковский и камергер Фенш были изрублены и повешены. Графиня Гауке также была изрублена и повешена. Полковница Баханова, изуродованная сабельными ударами, была также повешена на глазах ее дочери, тщетно умолявшей о пощаде и получившей также удар штыком в бок. Пленный офицер наш Кетлер был повешен вследствие просьбы какой-то женщины, которая просила народ, в случае несогласия его на то, повесить ее. Офицеры наши, возвратясь из плена рассказывали, что чернь варшавская и войска всенародно объявили, что если меня возьмут в плен, то тотчас повесят... „Слышите ли, – говорили поляки, – что партизан Давыдко (это было мое

прозвище) идет на нас, жжет и рубит все без пощады, смотрите, будьте осторожны, но мы его скоро возьмем и повесим“»³.

Жуковский, который в гостях у Вяземского, по словам Александра Тургенева, слушал Давыдова «со вниманием и каким-то одобрительным чувством», действительно занимал очень близкую ему позицию по польскому вопросу. Правда, он считал, что, подавив бунт и забрав у Польши часть провинций в качестве компенсации за понесенные во время войны потери, Россия должна предоставить ее самой себе. В своем дневнике 21 февраля 1831 г. Жуковский писал: «... Уничтожив Польшу, мы вооружим против себя всю Европу и самых близких соседей своих; мы распространим границы свои; это правда, но приобретем таких подданных, которые останутся вечными врагами нашими... Польша должна заплатить России за кровь на полях ее пролитую, за траты, понесенные в войне, ею возбужденной, но с сим наказанием должно быть соотнесено и великодушие Победителя, и выгоды Европы, и Европейская слава России. Часть провинций польских должна быть присоединена к России; Польша должна заплатить сильную контрибуцию – но корона Польская должна быть отвергнута Государем Российским. Пускай остаток наказанной, ослабленной Польши существует отдельно, пускай изберут поляки из самих себя короля и дадут себе какую хотят конституцию – Россия должна предать их на произвол собственной их судьбы...»⁴. Но стихотворение Жуковского «Старая песня на новый лад», написанное в начале сентября 1831 г. по случаю взятия Варшавы, было проникнуто совершенно иным эмоциональным настроением. Русские войска взяли Варшаву 26 августа – в 19-ю годовщину Бородине. Это совпадение, сблизившее оба события по смыслу, сообщило стихотворению особое, торжественное звучание.

С Богом! Час ударил Рока,
Час ожидаемый давно.
Сбор гремят – а издалёка
Русь кричит: Бородино!
Чу! как, пламенея, тромбы,
Поднялися и летят
Наши мстительные бомбы
На объятый бунтом град.

Спор решен! дана управа!
Пала бунта голова!
И святая наша слава,
Слава Русская жива!⁵

Стихотворение имело подзаголовок «На голос: „Гром победы, раздавайся!“ Жуковский открыто декларировал преемственность своей «Старой песни на новый лад» со стихотворением Державина, написанным в 1791 г. на взятие Измаила и ставшим вторым русским гимном после сумароковского «Коль славен наш Господь в Сионе». Еще мальчиком Жуковскому довелось присутствовать при первом исполнении державинского гимна в Таврическом дворце. Теперь Жуковский чувствовал себя продолжателем традиции, в которой русская поэзия тесно переплеталась с русской военной славой.

В письме И.И. Дмитриеву он писал: «...слава отечества опять вспыхнула ярким светом. ...Я с необыкновенным чувством написал первый стих, взятый у Державина: *раздавайся гром победы* (здесь и далее курсив наш. – Г.З.). Я слышал эти слова, глядя на Екатерину, и они, можно сказать, были выражением всего ее века; сладостно было повторить их в обстоятельствах, достойных времен Екатерины»⁶.

Оценка И.И. Дмитриева, тогдашнего патриарха российской словесности, имела для Жуковского особое значение. Именно Дмитриев первым в русской поэзии коснулся «польского вопроса» в стихотворении 1794 г. «Глас патриота на взятие Варшавы». Жуковский передал ему «Старую песню...» через А.И. Тургенева, которому писал: «Посылаю тебе Русское ура! Варшава наша. Честь России опять сияет по-старому.

...Наша армия чудо. Вот мои стихи; один экземпляр для тебя, другой для Ивана Ивановича, третий Карамзиным вместе с Вяземским. ...Скоро пришло свои стихи, эти же, напечатанные вместе со стихами Пушкина, чудесными. Нас разом прорвало, и есть от чего»⁷. Вскоре отдельным изданием вместе вышли три стихотворения: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» Пушкина и «Старая песня...» Жуковского (в публикации она получила название «Русская песнь на взятие Варшавы»). Стихи обоих поэтов глубоко удручили их старого друга П.А. Вяземского (как когда-то «Глас патриота...» Дмитриева огорчил Карамзина). Во многом Вяземский сочувствовал Польше. В 1818–1821 гг. он служил в Варшаве в канцелярии Н.Н. Новосильцева и видел воочию, как попираются все конституционные гарантии, данные Царству Польскому Александром I, что в конечном счете и привело к восстанию. По поводу возможной будущей судьбы Польши в своей «Старой записной книжке» Вяземский высказывал почти те же взгляды, что и Жуковский в дневнике: «Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даем мы отпускную негодю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты. Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступать, но по победе очень можно»⁸.

Но пафос стихотворения Жуковского вызвал у Вяземского резкое неприятие: «...Не совестно ли певцу в стане русских воинов и певцу в Кремле сравнивать нынешнее событие с Бородиным. Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии... Какая тут... народная поэзия в том, что нас выгнали из Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месячных маршей, контр-маршей мы опять вступили в этот городок!.. Стихи Жуковского навели на меня тоску... Как можно в наше время видеть поэзию *в бомбах, в палисадах!*.. Мало ли что политика может и должна делать? Ей нужны палачи, но разве вы будете их петь?»⁹.

Столь же саркастически отзывался Вяземский о стихотворении Пушкина «Клеветникам России»: «Мне... надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим враспяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст...

Вы грозны на словах, попробуйте на деле. А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: „Да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то!“.

Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть... И что опять за святотатство сочетать *Бородино с Варшавою?* Россия вопиет против этого беззакония...

Смешно, когда Пушкин хвастается, что мы *не сожжем Варшавы их*. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее»¹⁰.

Но при всем том стихотворение «Клеветникам России», хулимое и хвалимое с разных точек зрения вот уже немногим менее двух столетий, не укладывается ни в умную и желчную оценку Вяземского, ни в дежурно-патриотические восторги. Оно глубоко парадоксально. Для того чтобы понять, что двигало поэтом, сначала надо просто вспомнить, что Пушкин был мальчишкой двенадцатого года. Эта победа стала для него легендой на всю оставшуюся жизнь. Для сравнения представим себе поколение мальчишек, чье детство пришлось на войну 1941–1945 гг., о котором пел Высоцкий, сам принадлежа к нему:

А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки¹¹.

Пушкин всегда держал руку на пульсе политической жизни Европы. Можно представить себе, что он чувствовал, читая во французских

газетах отчеты о заседаниях парламента в Париже, где депутаты ставили вопрос о вооруженном вмешательстве Франции в русско-польскую войну на стороне Польши.

При этом надо учитывать, что восставшие стремились не просто к восстановлению независимости в границах Царства Польского. Их целью было также отторгнуть от России ее западные губернии – украинские, в том числе и Киевскую, белорусские и литовские, и в конечном счете воссоздание «великой Польши от моря до моря». Денис Давыдов писал об этом так: «Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силясь исторгнуть – и не мог!»¹².

Но самая главная мысль стихотворения Пушкина, хорошо усвоившего уроки Куницына, читавшего лицеистам право, была связана с понятием «домашнего спора», т.е. принципа невмешательства европейских держав во внутренние дела друг друга. Обращаясь к политическим деятелям Франции, Пушкин писал:

Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою
Вопрос, которого не разрешите вы¹³.

Об этом же говорилось и в пушкинском письме Вяземскому от 1 июня 1831 г.: «Выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention (невмешательства. – Г.З.), т.е. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье еще, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрыгу! А то был бы долг платежом красен»¹⁴. Пушкин имел в виду, что Николай I воздержался от того, чтобы отправить войска на помощь французскому королю Карлу X, свергнутому революцией 1830 г. Не одобрял поэт и намерения царя, к счастью не осуществившегося, помочь в 1831 г. военным вмешательством голландскому королю против восставших бельгийских провинций, считая, что это дело только Нидерландов и Бельгии. Правда, в том же году в Бельгию вошли французские войска, способствовав ее отделению.

Но если Вяземский воспринял стихотворение «Клеветникам России» неприязненно, другой давний друг Пушкина, П.Я. Чаадаев, отзывался о нем очень высоко, называя его голосом подлинно национального

поэта. Чаадаев принимал тогда живое участие в частых спорах о польском восстании, шедших как в московском Английском клубе, так и в домах его знакомых. В конце 1831 г. он написал небольшую заметку «Несколько слов о польском вопросе». В ней Чаадаев кратко излагал историю русско-польских отношений со времен Киевской Руси до николаевского царствования. Подобно Пушкину, он говорил о полном, анекдотическом незнании польского вопроса теми, кто намеревался решать его в Париже. «Там так мало знакомы даже с географическим положением Польши, что один из уважаемых членов палаты депутатов на одном из заседаний предложил самым серьезным образом послать в защиту восставших поляков флот в порт Поланген, и это предложение было встречено почтенными слушателями даже без смеха»¹⁵. Столь же химерными, лишенными всякого исторического и правового обоснования Чаадаев считал замыслы восставшей Польши присоединить к себе западнорусские губернии: «В областях, присоединенных к Российской империи (не считая Царства Польского) и называвшихся раньше Литвой, Белоруссией и Малороссией, поляки составляют приблизительно пятидесятую часть всего населения. Остальные почти сплошь русские. Эти последние хранят еще свежую память о насилиях, выпавших на долю их отцов при польском владычестве, и питают к своим господам, живым осколкам прежнего строя, такую неумную ненависть, что спасением своим те отчасти обязаны покровительству русского правительства.

Расчленив Россию, отторгая от нее силой оружия западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием. Сохранение же их составляет для России жизненный вопрос. В случае, если бы попытались осуществить этот план, они в тот же час поднялись бы всей массой, и мы стали бы свидетелями проявления всей мощи ее национального духа. И по всей вероятности губернии эти сами всеми бы силами воспротивились этому, как в силу передаваемых по наследству воспоминаний о перенесенном ими продолжительном угнетении, так и вследствие многих значительных интересов, связывающих их с империей»¹⁶.

Дискуссии по польскому вопросу в русском обществе продолжались долго. В декабре 1831 г. в Москве гостил Пушкин.

8 декабря А.И. Тургенев записал в дневнике: «Спор Вяземского с Пушкиным: оба правы»¹⁷. «Оба правы» Тургенев затем зачеркнул, но это не могло уменьшить понимаемой им огромной сложности самой проблемы, вынуждавшей и его подчас соглашаться с аргументами

Пушкина. Тем более не могли эти разногласия разрушить сердечной дружбы, скрепленной памятью 1812 года и Арзамасским братством.

Однако николаевское правительство выбрало далеко не лучший способ решения польского вопроса. «Спор» был временно прекращен силой оружия, но далеко не окончен. Отголоски его слышались в русской поэзии и XIX, и XX столетия: и у Тютчева, и в блоковском «Возмездии», и в стихотворении Мандельштама «Роласу!» времен Первой мировой войны. Продолжается он, как мы видим, и в наши дни, и завершится, по всей вероятности, лишь тогда, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славян. культуры, 2004. Т. 13. С. 317.

² Бондаренко А.Ю. Денис Давыдов. М.: Мол. гвардия, 2012. С. 300.

³ Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. М.: Изд. дом «Городец», 2012. С. 599–600.

⁴ Жуковский В.А. Указ. соч. С. 315.

⁵ Там же. М.: Языки славян. культуры, 2000. Т. 2. С. 282–283.

⁶ Там же. С. 666.

⁷ Там же. С. 665.

⁸ Вяземский П.А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2000. С. 56.

⁹ Там же. С. 55–57.

¹⁰ Там же. С. 58–59.

¹¹ Высоцкий В.С. Парус. СПб.: Азбука, 2016. С. 203.

¹² Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. С. 27–28.

¹³ Пушкин А.С. Стихотворения. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 173.

¹⁴ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 10. С. 23.

¹⁵ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 512.

¹⁶ Там же. С. 514–515.

¹⁷ Пушкин в воспоминаниях современников. СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 1998. Т. 2. С. 191.

¹⁸ Пушкин А.С. Стихотворения. С. 196.